

ОБЛИК КАГАНА

Айман Досымбаева,
зав. отделом «Тюркское наследие»
Института археологии им. А.Х. Маргулана

Развитие и формирование культуры тюркских племен, составивших этническое ядро Западного Тюркского каганата, в материалах археологических памятников и этнографических данных прослеживается с первых веков нашей эры. Территория Жетысу, на землях расположенных между реками Или, Чу и Талас явилась альма-матер тюркских племен, создавших в середине VI века (551/552 гг.) наряду с Восточным Тюркским каганатом (Алтай) – Западный Тюркский каганат. В рамках региона Центральной Азии каждое из тюркских государств, возглавляемые двумя братьями – каганами Бумынем и Истеми, представляли собой две самостоятельные социально-экономические и политические структуры, зависимость

которых друг от друга, была формальной. Родовые земли, кочевья обоих братьев, каганов, стоявших у истоков Тюркского каганата первоначально локализовались на территории реки Или, что нашло отражение в древних китайских источниках.

В источниках есть сведения о потомственных правителях Западного Тюркского каганата, правнуках Истеми кагана и внуках Тарду кагана: братьях Шегуй и Тон ябгу, которые проводили традиционную политику управления тюркским государством. В 619 г тюркские войска под предводительством Тон Ябгу разбили сасанидов и заняли города Рей и Исфахан, а в 623 г совместными усилиями византийского императора Гераклия, хазаров и тюрков была одержана сокру-

Рисунок 2

шительная победа над Хосровом Первизом, способствовавшая падению сасанидской державы. Тон ябгу перенес столицу в местность Мын булак - Тысячи ключей, на территории современного села Мерке, в Жамбылской области, где принимал послов из Китая, Индии.

Материалы из погребального комплекса Каракыстак 1, расположенного в юго-западной части от сакрального центра западных тюрков, святилища Мерке и изученного в период 2006-2007гг., подтверждают верность гипотезы о том, что слагающим компонентом культуры населения Жетысу в период формирования Западного Тюркского каганата являлась традиционная культура тюркского этноса, с набором признаков, диагностирующим ее как культуру усуней.

Результаты археологических исследований 2006 и 2007 гг. позволили установить архитектурные особенности погребальных сооружений, входящих в состав могильника Каракыстак 1 (рис. 1 - план памятника). Земляная насыпь центрального кургана по периметру основания была вымощена камнем, на высоту до 1,5 м, под насыпью могильную яму опоясывало кольцо из крупных камней (рис. 2 - вид на курган 1). Камнем выкладывался верхний слой перекрытия ямы, поперечное деревянное перекрытие из крупных бревен арчи находилось непосредственно над ямой (рис. 3 - графический план кургана 1). Сходство приемов описываемого погребального сооружения с традиционной строительной практикой мемориальных конструкций которые бытовали у усуней не вызывает сомнения.

Результаты антропологического анализа свидетельствуют, что в кургане был похоронен мужчина, в возрасте около 40 лет и с помощью расчетных формул и таблиц, основанных на вычислении длинных костей ног прижизненный рост индивидуума определен около 172 см. Расовые особенности индивидуума характеризуются смешанным еропеоидно-монголоидным антропологическим типом, с преобладанием европеоидных особенностей. Результаты краниологического ана-

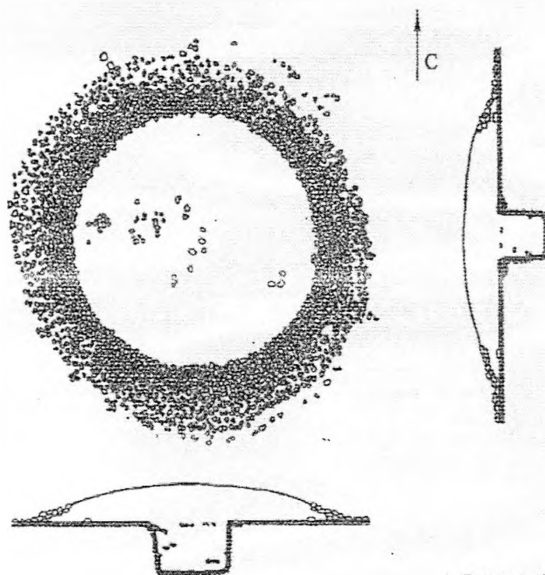

Рисунок 3

Рисунок 4

лиза черепа человека из кургана 1 также свидетельствуют о сходстве физического облика погребенного с расовым антропологическим типом усуней.

Антропологическая реконструкция, изготовленная на основе краниологических параметров черепа человека, из кургана 1 могильника Каракыстак 1 – произведена ведущими специалистами лаборатории им. М.М. Герасимова Института этнографии и антропологии Российской Академии Наук Т. С. Балуевой и Е.В. Веселовской. В соответствии с данными результатов реконструкции антропологические характеристики человека, отраженные в индивидуальных чертах портрета характеризуют его как личность, обладающую качествами выдающейся персоны. Высокий лоб, прямой нос, надбровные дуги, позволяющие судить о наличии широких бровей, миндалевидные по форме слегка раскосые глаза, плавные, правильные очертания губ, прямой, широкий подбородок, совместно с формой раковин больших ушей передают образ человека, наделенного природой волевыми качествами и твердым характером (рис. 4- реконструкция облика кагана).

Реконструкция антуража бюста произведена тюркологами А. Досымбаевой и Н. Богенбай на основе анализа сведений письменных источников по этническому облику тюрков, образцов тюркских

монументальных статуй, портретов тюркской социальной элиты, изображенных на древнетюркских монетах VII-VIII вв. и изображений на стенке саркофага из Восточного Туркестана.

В другом, не менее красноречивом сюжете из храма средневекового Пянджикента на сцене, отображающей ритуал оплакивания покойника, “мужчины с явно выраженными тюркскими чертами лица” тоже изображены с распущенными волосами. В такой же манере показаны волосы самого умершего. Очевидно, что распущенные волосы мужчин, принимающих участие в скорбной церемонии, свидетельствуют о социальном статусе участников ритуала. Формы причесок тюрков изображались и на каменных монументах, полу-

Рисунок 5

Рисунок 8

чивших широкое распространение в тюркской этнокультурной среде Центральной Азии, Казахстана и Евразии. Анализ семантики изваяния 1, на памятнике Жайсан 1, позволил прийти к выводу, что ниспадающие на плечи волосы, разделенные на прямой пробор, совместно со всем набором атрибутов, изображенных на статуе, позволяют интерпретировать их в качестве одного из символов тюркской социальной элиты (рис. 7 - статуя вождя, Комплекс Жайсан).

Подтверждением того, что описываемой формой прически, разделяя ниспадающие на плечи волосы на прямой пробор, тюркская элита выделяла свою этническую особенность, являются портреты тюркских каганов, ябгу и тегингов, на монетах из нумизматической коллекции средневекового Чача (рис. 8 - портреты тюрков на монетах VII-VIII вв).

На всех памятниках светского и культового искусства, представителей тюркской элиты мужского пола изображали с серьгами. Одинаковой формы серьги, — изображались на каменных скульптурах, фресках, живописи и на монетах (рис. 7.8в). На мочках ушей реконструируемого бюста показаны формы серег, сходные с таковыми из захоронения знатного тюрка из памятника Балык Соок 1 на Алтае.

Отклик описываемых сюжетов является и тамга жагалмай, изображенная в виде птицы у киргизского племени борю, ветви адигине (борю-бери означает волк), называвшаяся "бори тамгасы"

Сходные по форме тамги, встречаются у скотоводов Урянхай под наименованием княжеских тамг «в виде четырехконечного крестика с концами, загнутыми под прямым углом в правую сторону, изображавшие птицу счастья...». Обращает внимание тотемное происхождение тамги в форме священной птицы, которая согласно поверьям спасла предка хакасов и дала роду имя беркута. Сохранились сведения, что орлиной тамгой клеймили лошадей. Похожие по стилю тамги в виде птиц, сопровождают портреты каганов, которые изображены на аверсах древне-тюркских монет (рис. - 8в изображение тамги в форме птицы на аверсе монеты).

Изображения птиц на головном уборе памятника Куль-тегину в Монголии, короне Бильге кагана, пластине из кургана 1 памятника Каракыстак 1, знаки-тамги в виде птиц являются свидетельствами древнего мифологического сюжета с присутствием в нем "небесного духа", служившего в качестве оберега (рис. - 5, 6).

В культовом искусстве средневековых тюрков образ птицы, изображенный на головных уборах и одежде социальной элиты свидетельствуют, что персоны, владеющие описываемым знаком, являлись персонами, — обладающими небесным благословением, что в тюркском языке обозначалось термином «кут».

Сопроводительный погребальный инвентарь в захоронении кургана 1 представлен семью сосудами. Восстановленные по найденным фрагментам, типы сосудов близки по форме керамическим образцам предшествующей эпохи. Все формы керамических изделий из захоронений усуней встречаются в материалах средневековых памятников Казахстана. Обряд сопровождения умершего пищей, выявленный в могильных ямах в форме костей крестца барана, положенного в чашу, сосуд аналогичны такому же обряду у тюрков. Выводы о сохранении в погребальной практике традиции сопровождать умершего, описываемой частью туши животного подтверждены данными раскопок могильника Каракыстак 1 в период полевых исследований 2006 и 2007 гг. В захоронениях курганов 1, 3 и 8 в могильных ямах находились крестцовые кости барана, крупного рогатого скота и лошади.

Археологические материалы, свидетельствующие о преемственности в традициях культур населения Жетысу, существенно усиливаются данными результатов сравнительного анализа краиниологических экземпляров из захоронений усуней и тюркских погребальных памятников. Исследования, произведенные О.И. Исмагуловым, служат веским основанием для выводов о генетической преемственности процесса антропогенеза и расогенеза населения Казахстана на протяжении всего периода I тысячелетия нашей эры.

В связи с открытием погребального комплекса кочевой элиты западных тюрков Каракыстак 1,

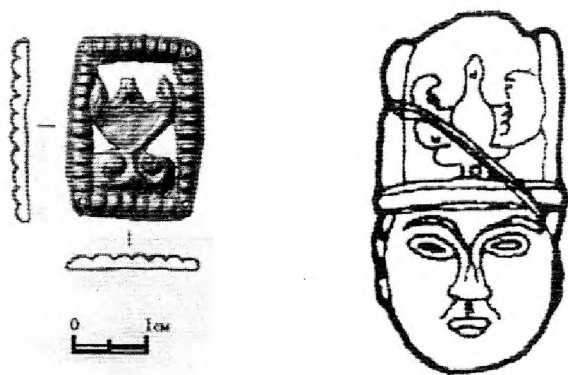

Рисунок 6-7

необходимо вновь вернуться к историческим сведениям касательно обряда, которым следовал сын кагана Истеми, Турксанф. Во время встречи с посланцами из Византии, во главе с Валентином меченосцем, Турксанф объявил, что он справляет обряд дохиа и римлянам. – в соответствии с установленным у тюрков ритуалом «должно царапать себе лицо ножом, следуя существующему у нас по усопшим обычаю. О существующем у тюрков обычае, надрезывать себе лица, производить плач, чтобы «кровь и слезы совокупно лились» упоминается в китайских источниках. В средневековом культовом искусстве традиция оплакивания покойника нашла отражение и на фресках Пянджикента. Анализ термина дохиа, встречающегося в языке хазар, также проводивших сходный по форме и содержанию обряд, позволил профессору Петеру В. Голдену провести параллель с бытовавшей в древнетюркском и среднетюркском языках словом йок/жок, являющегося корневой основой термина, служившего для обозначения похоронного обряда жоктау.

Структурные единицы культурного комплекса, нашедшие отражение в материалах погребального памятника тюркской социальной элиты Каракыстак 1, непосредственно связаны с культовыми объектами с каменными скульптурами и алтарями святилища Мерке и составляют единый по своему контексту мемориал западных тюрков. Исследования показывают, что содержание материалов погребальных сооружений и ритуальных конструкций подчинены общегосударственной идее единства Космоса и Земли тюрков - Тенгри и Жер-Су. Высокогорное, в высшей степени сакрализованное пространство, на высоте 3000-3500 тыс. м над уровнем моря, окруженное со всех сторон неприступными горами, представляло собой тюркский «Олимп» - местопребитание богов. Именно высокогорные жайляу верховой реки Мерке (Мерке с персидского языка означает «Центр»), с множест-

венными родниковыми источниками являлось местом проведения ритуалов поклонения верховным божествам тюрков.

Памятники культового искусства позволяют проследить истоки идеи создания статуарных образцов, олицетворявших образы величественных предков. На протяжении нескольких тысячелетий, представители многих племен саков/скифов, усуней, юечжи/сарматов, тюрков ашина/ашидэ, тюргешей, карлуков, огузов/торков и тех, которые составили племенной союз кыпчаков/поповцев, воздвигали в степи каменные статуи, обожествляя их. Согласно традиционным представлениям кочевников, при жизни тюрков и после нее скульптуры обожествленных предков являлись символами веры, гарантами благоденствия, благополучия и стабильности.

Для передачи идеи о цельности и неизбежности мироздания средствами монументального искусства были созданы образы, олицетворяющие Небо (солнечное, мужское начало) и Землю (лунное, женское начало). Неотъемлемой частью вечной жизни и жизни на земле являлось божество Жер-Су, именем которой клялись и пили ее символ, священную воду. В контексте содержания сакрального символа звучит и фраза, написанная арабской вязью на стенке котла, установленного в центральном зале святилища тюркских народов, в мавзолее г. Туркестан. Надпись на стенке тайказана гласит - сосуд для воды. Снаружи по периметру стенки котла украшены налелами в форме сосков (емчек), к которым прикладывались до современности прихожане, посещающие мавзолеем Ходжа Ахмета Ясауи. Контекст такого священнодействия с сосудом, предназначенным для воды, символизировал акт кормления. Тайказан, установленный в центре мавзолеем Ходжа Ахмета Ясауи в г. Туркестан являлся символом священной Земли, матери-кормилицы и в миропонимании тюрков олицетворял божество Жер-Су и идею единения тюркских народов вокруг него.

